

ЮЗЕФ ПИЛСУДСКИЙ И ПОЛЬСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ (1892—1921)

Юзеф Клеменс Пилсудский (1867—1935) — один из немногих политиков, чье имя знает не только каждый поляк, но и многие в сопредельных с Польшей странах. Первые описания его жизни и деяний появились уже в годы Первой мировой войны, когда он еще только шел к власти и бессмертию, и с тех пор не редкость ряды профессиональных исследователей и любителей истории, желающих поделиться с читателями своим пониманием этого, несомненно, недюжинного человека. Свою лепту в это внес и автор данной статьи, опубликовав в 2008 г. в серии «Жизнь замечательных людей» его биографию [1].

Юзеф Пилсудский родился 5 декабря 1867 г. в поместье Зулув Виленской губернии, в богатой помещицкой семье, имевшей более 10 тыс. десятин земли. Хотя отец будущего первого главы польского государства был привержен новым веяниям в ведении сельского хозяйства и выписывал из-за рубежа современные машины и инвентарь, но основную работу в хозяйстве вели местные крестьяне-белорусы. Поэтому маленький Зюк (так его ласково звали в семье, а затем соратники по ранней истории Польской социалистической партии, образовав это ласковое прозвище от принятого в тех краях уменьшительного имени Юзюк) с детства научился понимать местный говор, представлявший собой причудливую смесь белорусского, польского, еврейского, русского и литовского языков. Конечно, его знания в этой области не вышли за пределы бытовой лексики, потому что крестьяне только ей и пользовались. Молодого панича учили другим языкам, которые могли ему пригодиться во взрослой жизни: польскому, чтобы знал, из какого он племени, русскому, чтобы можно было получить среднее образование, без которого для него были бы закрыты двери не только российских, но и зарубежных университетов, немецкому и, конечно же, французскому. Помимо польского, он хорошо знал русский язык, на французском, по свидетельству французского посла в Варшаве Ж. Лароша, говорил с трудом, «но если ему удавалось подобрать слова, то ему удается высказываться весьма ясно...» [2, s. 150].

Желание отца шагать в ногу с прогрессом, оказавшееся слишком разорительным, а также стихийное бедствие (сильнейший пожар в имении) подорвали материальное благополучие семьи, заставили сменить родовое гнездо на съемную квартиру в Вильно. В этом городе со стотысячным смешанным польско-еврейско-белорусско-литовско-русским населением и прошли лучшие детские и юношеские годы Пилсудского, сформировалась особая мен-тальность поляко-литовско-белоруса. Маршал до конца жизни помнил о своем своеобразно понимаемом (не по крови, а по исторической территории) литовском происхождении, гордился этим и считал, что «литваки» в большей степени сохранили польскость, чем «крулевя-ки» (уроженцы Царства Польского), галичане или «познаняки» [см. 3, s. 64].

Матвеев Геннадий Филиппович — заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

Уже в эти годы сформировались две, пожалуй, главные черты его характера: глубокий патриотизм и вера в свое высокое предназначение воскресителя польской государственности (этими качествами, по его собственному признанию, он был обязан матери, Марии, горячей польской патриотке и необычайно мужественной женщине, всю жизнь вынужденной бороться с тяжелым недугом), а также полное безразличие к занятию сельским хозяйством. Даже обзаведясь в 1923 г. собственным домом с садом в Сулеювке под Варшавой, он не проявлял ни малейшего желания копаться в земле (скорее даже в песке), предпочитая любоваться цветами. Поэтому у него не оставалось иного выбора, как получить одну из интеллигентских профессий, чтобы иметь надежный источник доходов.

Из всех возможных университетских дисциплин Пилсудский избрал медицину, записавшись в 1885 г. на соответствующий факультет Харьковского императорского университета. Однако жизнь вдали от родного Вильно, в преимущественно русско-украинском окружении, тяготила его, и, успешно сдав экзамены за первый курс, он решил перевестись в Дерп-тский (Юрьевский, Тартуский) университет, который за четыре года до этого был переведен с немецкого на русский язык преподавания. Пока он ждал дома рассмотрения своего прошения в ректорате этого старейшего на тот момент в Северо-Западном крае университета, случилось событие, решительно изменившее ход его жизни. Пилсудский косвенным образом оказался причастным к подготовке покушения на императора Александра III петербургской народолюбивческой организацией, в которую входил и старший брат В. И. Ленина Алек-

сандр Ульянов. Расплатой за невольное прегрешение стала пятилетняя административная ссылка в Иркутскую губернию, во время которой он из юноши, ненавидевшего русское господство над его родиной, превратился в убежденного противника самодержавия и сторонника независимости Царства Польского вкупе с его любимым Вильно¹. То есть эффект оказался прямо противоположным тому, на который рассчитывали виленские власти, отправляя его в далекую Восточную Сибирь.

Вернувшись через пять лет в родные пенаты, повзрослевший (что должна была подчеркивать густая борода), привыкший к свободному времяпрепровождению, Пилсудский еще подумывал о получении высшего образования. И даже стал готовиться к экзаменам экстерном за юридический факультет (продолжать занятия медициной он не мог, поскольку ему запретили селиться в столицах и университетских городах империи). Однако право показалось ему слишком скучным занятием. И будущий почетный доктор права Ягеллонского университета откладывает учебники в сторону, с головой уходит в политику.

Заниматься политикой в России людям, не одобрявшим самодержавия, можно было на кухне, в нелегальном кружке или в эмиграции. Пилсудский выбрал вторую возможность. Вариантов, к какому из политических направлений примкнуть, в начале 1890-х гг. было немного. Можно было установить контакты с формирующимся национально-демократическим течением, собиравшимся заняться национальным просвещением простых поляков, чтобы воспрепятствовать их ассимиляции и подготовить в перспективе возрождение национальной государственности. Единственной серьезной альтернативой ему было социалистическое движение, ориентирующееся на свержение существующего общественного строя и объединение Европы на принципах социальной справедливости и всеобщего равенства. Шляхетский революционаризм, доминировавший в обществе Царства Польского до середи-

¹ Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку в существующей литературе, как правило, говорится, что Пилсудский был борцом за независимость Польши, без уточнения, всех ли трех ее частей, в свое время включенных в состав Австрии, Пруссии и России, или же только одной из них. Анализ всех высказываний и действий Пилсудского до лета 1917 г. показывает, что главные его помыслы были посвящены освобождению лишь бывших земель Речи Посполитой в составе России.

ны 1860-х гг., к этому времени полностью исчерпал свой мобилизационный потенциал и популярностью у передовой молодежи не пользовался.

Вчерашний ссыльный сделал социалистический выбор. И будет ему верен до первой революции в империи Романовых в 1905—1907 гг. Вряд ли можно безоговорочно соглашаться с теми биографами Пилсудского, кто рисует его романтиком, человеком XIX ст., эпигоном шляхетского революционаризма. Нет, он, как и его будущий вечный антагонист Р. Дмовский, отец польского «современного национализма», сделал ставку не на уходящий с исторической сцены класс, не на самый многочисленный, сильно за прошедшие сто лет обедневший и деградировавший в социальной иерархии, а на массу соплеменников, точнее, на ту ее часть, которая жила продажей своих рабочих рук или, как любил выражаться детектив Пуаро, «серых клеточек». В этих людях, численность которых росла так быстро, что, казалось, скоро не будет никого, кроме пролетариев и работодателей, он увидел силу, которая единственно может свергнуть царизм и освободить родину. Пилсудский и его единомышленники весь путь к социализму делили на два этапа. Сначала надлежало освободить Царство Польское от деспотии самодержавия и построить польское демократическое государство, а уж затем приступить к решению собственно пролетарской задачи — борьбе за создание общества социальной справедливости². В связи с этим польские социалисты были против сотрудничества с российскими почитателями К. Маркса, которые, как и их европейские единомышленники, не признавали важности национального вопроса. Зато они выражали готовность взаимодействовать с любыми сепаратистскими движениями в империи, которые, правда, в то время переживали инкубационную стадию развития.

Ю. Пилсудский оказался чуть ли не у истоков Польской социалистической партии (ППС), очень скоро вошел в состав ее узкого руководства — Центральный рабочий комитет (ЦРК), с 1894 г. отвечая за издание и распространение центрального партийного органа газеты «Ро-ботник», а также других печатных материалов ППС³. Человек, сознательно выбиравший судьбу подпольщика, должен был считаться с весьма высокой вероятностью провала. Пилсудскому везло долго, он настолько уверовал в собственное везение, что в 1899 г. связал себя узами Гименея с М. Юшкевич, красивой молодой женщиной, врацавшей в левых виленских кругах. Однако в феврале 1900 г. не по его вине типография, к тому времени передислоцированная в 300-тысячную Лодзь, была провалена, а он с супругой — арестованы.

Пилсудскому вменяли серьезные преступления, в том числе и причастность к убийству провокаторов, внедренных охранным отделением в ППС. Ему грозило от 10 лет ссылки до

² В советской и польской историографии периода ПНР, базировавшейся на традициях СДКПиЛ и ленинских оценках, утвердилась однозначно негативная оценка этой позиции. При этом ее сторонники игнорировали тот факт, что в ходе революции 1905—1907 гг. большевики также пришли к выводу о том, что в борьбе за социализм в России нужно будет пройти два этапа: буржуазно-демократический и собственно социалистический. А это значит, что концепция Пилсудского и его единомышленников на десятилетие опередила ленинское прозрение.

³ Эту газету он практически делал вдвоем с Войцеховским. В декабре 1922 г. Войцеховский будет избран президентом Польши, но в мае 1926 г. досрочно покинет этот пост в знак протеста против государственного переворота, осуществленного его бывшим однопартийцем и товарищем, а теперь Первым маршалом Польши Ю. Пилсудским.

смертной казни. Совместными усилиями товарищей по партии и отдельных русских «оккупантов», находившихся на государственной службе в Варшаве, удалось убедить местное жандармское начальство в наличии у Пилсудского симптомов душевной болезни. Для постановки окончательного диагноза узник Х павильона варшавской Цитадели был переведен в лечебницу для душевнобольных в Петербурге. В ночь с 14 на 15 мая по новому стилю (с 1 на 2 мая ст. ст.) 1901 г., когда в России отмечали государственный Народный праздник, установленный властями для того, чтобы отвлечь людей от празднования Дня солидарности трудящихся, пациенту больницы св. Николая был организован побег. Спустя месяц он уже без опаски ходил по улицам Лемберга (Львова), столицы австрийской провинции Галиция.

Отдохнув и восстановив подорванные в заключении силы, Пилсудский с головой окунается в партийную работу. Он стал больше внимания уделять зарубежной организации ППС, часто бывал в Великобритании, Швейцарии, не забывал и Россию. Но в основном жил в Кракове. В это время Пилсудский начинает обдумывать новую тактику борьбы за освобождение Царства Польского. Несмотря на то что ППС с момента основания в 1893 г. прочно закрепилась на политической сцене русской Польши, она, по его мнению, не превратилась в спаянную жесткой дисциплиной организацию, способную повести за собой широкие слои польского общества на борьбу за независимость, а не за улучшение социального положения. Как вспоминал участник социалистического движения З. Шимановский, «Пилсудский всю жизнь был бланкистом, верил только в небольшую, сплоченную, успешно действующую организацию, которой ее руководство могло бы распоряжаться по своему усмотрению. Он был принципиальным противником не столько массовости движения, сколько растворения организации в движении» [4, л. 45]. Пилсудский все более явственно ощущал потребность, пользуясь ленинскими определениями, в «партии нового типа». В России все отчетливее наблюдались признаки приближения глубокого политического кризиса. Окостеневший каркас самодержавия со все большим трудом сдерживал нарастающую активность общества, желавшего участвовать в распоряжении собственной судьбой. Дополнительной пробой на прочность для царизма стала русско-японская война, и он оказался к ней не готов.

Ю. Пилсудский был уверен, что Россия эту войну не выиграет, но не верил в то, что Япония в одиночку сможет разгромить огромную империю. Помочь ей в этом могло восстание в Царстве Польском, которое должна была подготовить и возглавить ППС. Средства на вооружение Пилсудский рассчитывал получить у японцев, которые, начиная с 1902 г., осуществляли секретную операцию по поддержке сепаратистских движений в России.

Помимо денег Пилсудский надеялся получить от Японии помощь в реанимации польского вопроса как международного. Однако переговоры его доверенного лица с японскими дипломатами в Лондоне и личная поездка в Токио в июне — июле 1904 г. так и не завершились заключением политического договора, которому он придавал стратегическое значение⁴. Япон

⁴ Как вспоминал много лет спустя его преданный соратник В. Славек, именно это намерение Пилсудский назвал на октябрьской 1904 г. конференции ЦРК ППС основной целью своей поездки в Токио [5, с. 135]. Биографы Пилсудского фактически игнорируют сделанное им на конференции признание о тактических (получение технической помощи на вооружение польского движения) и стратегических (постановка польского вопроса на международной арене) целях поездки в Японию, акцентируя основное внимание на том, что его выступление вводило собравшихся в заблуждение и служило дальнейшему сокрытию от руководства партии всей правды о японском контакте. Нет сомнения в том, что когда Пилсудский говорил о «незначительных результатах переговоров с японцами», он имел в виду провал стратегической цели. Об этом же свидетельствует и сделанное им на этой же конференции признание, что единственной целью предлагаемого им тактического перевооружения партии является «воскрешение польского вопроса. Этот вопрос живет, но только у нас, живет в широком

значении национального вопроса, но он не живет как политический вопрос, который должен решать весь мир» [6, s. 189—191].

цы согласились только на ежемесячную выплату в размере 90 фунтов стерлингов за получаемые от людей Пилсудского разведывательные сведения, а также выразили готовность дать польским партнерам 10 тыс. фунтов на создание разветвленной разведывательной сети в Европейской России и Западной Сибири.

Из операции «Вечер» (такое название получили контакты Пилсудского с японскими военными) Пилсудский как политик сделал несколько важных выводов. Во-первых, партию без ведома ее руководящих коллегиальных органов вполне можно использовать для достижения собственных целей. Во-вторых, эта задача облегчается, если есть неподконтрольные партийным органам финансовые средства⁵. В-третьих, наибольшего успеха можно добиться с помощью сплоченной группы единомышленников, действующей в рамках более широкой структуры. В-четвертых, в определенных условиях высокопоставленные официальные лица готовы вести переговоры с нелегалами, если последние представляются эмиссарами некоей мощной структуры. Этот опыт пригодится Пилсудскому позже, при налаживании контактов с австро-венгерской военной разведкой.

Неудачная для царизма война с Японией привела в движение общественные силы в невиданных прежде масштабах и потребовала от действовавших пока еще нелегально политических партий неотложного уточнения своих стратегических и тактических установок. Ответ Пилсудского на этот вызов был следующий: создать при ППС боевую организацию, способную стать организующим ядром будущей повстанческой армии. С этого времени центр активности Пилсудского стал смещаться с партии, служению которой он посвятил десять лет жизни, на более узкую группу людей, не столько думающих, сколько исполняющих команды вождя. Теперь он трактовал ППС, по сути дела, лишь как своего рода вербовочную структуру, привлекающую в свои ряды идейную молодежь. Именно из ее рядов он будет рекрутировать членов своей боевой организации, а они станут его преданными адептами, с гордостью носившими имя «пилсудчики»⁶. Ради новой стратегической линии Пилсудский был готов на все. Даже на раскол в 1907 г. собственного детища — ППС, существенно ослабивший партию в очень сложной ситуации начавшегося спада революционной волны, лишь бы освободиться от оппонентов, сторонников социальной революции. С этого времени его политической опорой стала ППС-революционная фракция, сохранившая верность прежним представлениям об иерархии национальных и социальных целей.

Боевая организация ППС наряду с проведением диверсий и покушений на представителей русской администрации занималась и так называемыми «экспроприациями» (эксами) — нападениями на уездные кассы, почтовые отделения, а также фургоны и поезда, перевозившие деньги. Добытые средства шли на содержание партийного руководства и боевиков, покупку оружия, оказание помощи арестованным соратникам и их семьям, оплату адвокатов, подкуп судебных чинов, издательскую деятельность и т. д. «Эксы» нередко сопровождалась гибелью людей, в том числе и ни в чем не повинных. Суды жестоко, вплоть до вынесения

⁵ Среди исследователей нет единства мнений относительно того, сколько денег было получено инициаторами акции «Вечер» от японцев. В. Енджеевич считает, что за 1904—1905 гг. японцы выделили ППС на различные цели около 20 тыс. фунтов стерлингов, с ним согласен и А. Гарлицкий. По подсчетам Рышарда Съвентека, вся сумма составила 33 430 фунтов. Львиная доля этих средств (30,5 тыс.) была потрачена на приобретение оружия и финансирование революционной деятельности партии. Часть пошла на содержание 7 участников акции «Вечер» в Кракове и Лондоне. По подсчетам Р. Съвентека, на это тратилось в среднем 252 фунта в месяц, то есть примерно 2520 руб. [7, s. 321, 343—346].

⁶ Этот термин был введен в обиход в годы Первой мировой войны с подачи одного из числа этих молодых почитателей «коменданта» — популярного в межвоенные годы польского писателя Ю. Ка-ден-Бандровского.

ния смертных приговоров, карали схваченных боевиков, а они, стараниями пропаганды ППС, преподносились обществу в качестве мучеников и образцов для подражания.

Расчет Пилсудского парализовать с помощью боевых групп работу аппарата власти в Царстве Польском не оправдался. Пролетариат отдавал предпочтение борьбе за социальные и политические права, а не за независимость. В борьбу с боевиками включились и сторонники национальных демократов, желавшие не допустить новой трагедии польского народа, как это всегда было после

национальных восстаний, и воспользоваться не столь уж и ничтожными политическими завоеваниями революции.

Анализ причин неудачи избранной тактики борьбы за свободу с помощью небольшой группы боевиков привел Пилсудского к заключению, что все дело в отсутствии хорошо, по-военному подготовленного ядра будущего национально-освободительного восстания⁷. Его создание должно было способствовать использованию следующей оказии, в появлении которой он не сомневался. И дело не в какой-то его особой политической интуиции, о которой пишут многие знавшие его люди, а в правильном анализе международной политики. От его внимания не ускользнули развивавшийся именно в это время процесс оформления Антанты и возникновение уникальной ситуации разведения угнетавших поляков империй по противостоящим военно-политическим блокам с трудно согласуемыми интересами. Кстати, к аналогичным выводам пришел тогда же, например, и Р. Дмовский.

Союзником в борьбе за освобождение Царства Польского Пилсудский выбрал Австро-Венгерскую империю. Показательна его первая попытка наладить сотрудничество с австрийским Генеральным штабом 29 сентября 1906 г., когда он представился своему собеседнику полковнику Ф. Канику представителем политической партии, якобы имеющей 70 тыс. вооруженных членов и способной в случае войны Австрии с Россией утроить это число [9, s. 443]⁸. Но поскольку война с Россией была в то время далекой перспективой, австрийцы не спешили с ответом.

Свидетельством продолжающегося расхождения путей Пилсудского и ППС было то, что задуманная военизированная формация должна была иметь не классовый, а общенациональный характер. Создавать ее Пилсудский решил в Галиции, где поляки имели существенно больше свобод, нежели их соплеменники в России и Германии. Ее ряды предполагалось формировать как из российских подданных, так и местных добровольцев [9, s. 443]⁹.

Главную трудность в реализации своего проекта Пилсудский видел в отсутствии «монеты», то есть денег¹⁰. Поступления «проклятой монеты» из Царства Польского были недоста-

⁷ Итог своих размышлений об уроках революции и задачах на будущее Пилсудский обобщил в лекциях, прочитанных в боевых школах ППС в 1909 г. и опубликованных спустя год в «Роботнике», а затем отдельной брошюрой «Практические задачи революции в русском захвате» под псевдонимом З. Мечиславский. Его генеральный вывод был таким: «Революция, которую мы хотим осуществить, — это война двух армий, нашей — революционной, народной, с правительственной, оккупационной. Революция. — это борьба за власть, реализованная насильственными средствами в относительно короткое время» [8, s 6—7].

⁸ Как видно, к этому времени Пилсудский уже хорошо знал и умело применял приемы политического блефа, игры на ожиданиях партнеров по переговорам.

⁹ Повторное предложение было сделано Пилсудским в 1907 г., но с тем же результатом.

¹⁰ Так, 1 декабря 1907 г. он писал В. Йодко-Наркевичу: «...сейчас я работаю над двумя вещами: а) получением монеты как учредительного капитала на будущее и б) агитацией, как я ее называю, военной, то есть агитацией в пользу обучения и подготовки к боевым задачам революции... Если бы у меня эти две вещи получились хотя бы частично — в первом случае я для себя определил минимум 300 тыс., во втором — формирование в итоге хотя бы определенного направления мысли и интереса к этому вопросу у молодежи и людей — я был бы весьма доволен. Тогда бы я мог спокойно работать над созданием чего-то более отвечающего целям, чем нынешняя боевая организация» [10, s. 286].

точные для реализации его проекта. Три удачных «экса» с октября 1907 по февраль 1908 г. дали только около 40 тыс. рублей. Власти научились охранять финансовые учреждения. Поэтому Пилсудский решает проводить «экссы» в других областях империи, где его боевики прежде не действовали. Летом 1907 г. он планировал ограбить филиал Государственного банка в Киеве, но, в конечном счете, от операции отказался. Зато успехом закончилось нападение 29 сентября 1908 г. на курьерский поезд на станции Безданы (в 25 км от Вильно), которым Пилсудский руководил лично. Добыча составила 200 800 руб. 61 коп. Хотя она была меньше той, о которой он мечтал, но ее хватило на погашение партийных долгов, помощь арестованным боевикам, а также начало реализации нового проекта, основные положения которого он в 1909—1910 гг. изложил в брошюрах «Практические задачи революции в русском захвате» и «Военная география Королевства Польского».

Проект предусматривал решение двух задач: политической и военной. Первая — организация массового восстания (революции по его терминологии) в Царстве Польском, чем должна была заняться не только ППС, но и другие партии, стоящие на платформе независимости, а также подготовка кадров для организации жизни на освобожденных территориях и будущего революционного правительства. Вторая — создание до начала революции армии. Для решения этой задачи была предназначена тайная военизированная организация Союз активной борьбы (САБ), созданная в конце июня 1908 г. во Львове.

Создание САБ совпало по времени с Боснийским кризисом. Австрийский Генштаб, активизируя подготовку к эвентуальной войне с Россией, рассматривал различные возможности ослабления противника, в том числе и поддержку в ней сепаратистских движений. В связи с этим вспомнили о предложениях Пилсудского о сотрудничестве. С конца 1908 г. начинается многолетнее сотрудничество Пилсудского с разведывательной группой Учетного отдела Генерального штаба австро-венгерской армии. Взамен за поддержку движения сторонников независимости Царства Польского Пилсудский организовал сбор сведений разведывательного характера для австрийской стороны. Для этой цели Пилсудский использовал организации ППС, доверенных лиц, обучавшихся в России и за рубежом студентов, деятелей САБ, направляемых с инспекционными целями в Царство Польское. Добытая ими информация поступала к Пилсудскому, обобщалась и передавалась австрийским кураторам. Не менее активным было участие польской стороны в разоблачении русской агентуры в Галиции¹¹.

Пилсудскому по подсказке австрийских кураторов удалось найти оптимальную организационную форму, позволяющую приступить к созданию явной массовой военизированной структуры. Такую возможность давало императорско-королевское «Распоряжение о поддержке добровольческого стрелкового движения» от 6 мая 1909 г., изданное в интересах тиролевских стрелков. В течение 1910 г. польские стрелковые союзы были созданы во Львове и Кракове, а затем и в других населенных пунктах Галиции. Со стороны властей деятельность союзов контролировали львовский и краковский разведцентры. С их молчаливого согласия в стрелковые организации вступали как галичане, так и эмигранты из русской Польши, хотя это и противоречило их уставу. Теперь австрийские военные могли более свободно оказывать движению необходимую помощь, например, безвозмездно предоставлять оружие для занятий строевой и огневой подготовкой, патроны, армейские стрельбища, организовывать стажировки в войсках.

Помимо САБ и стрелковых союзов в Галиции возникли другие организации сторонников освобождения Царства Польского из-под власти России. Общность целей Пилсудского и этих организаций способствовала их взаимодействию и помогала ему позиционировать свой проект как общенациональный, а не социалистический. Все годы до начала Великой войны были заполнены у Пилсудского привлечением в движение за освобождение Царства Польско-

Об этом направлении сотрудничества см.: [7, s. 514—523].

го новых людей, обеспечением ему широкой поддержки польских партий Галиции, изысканием финансовых средств, в том числе и на собственное содержание. Успешно развивалось сотрудничество с австрийцами по линии разведки, без их поддержки нечего было думать о налаживании военной подготовки молодых людей обоих полов, жаждавших сразиться с русскими за свободу Царства Польского, о получении оружия. На работу в руководстве ППС, членом которой он был все эти годы, оставалось все меньше времени. От разрыва с партией его удерживало то, что, покинув ее, он превратился бы в частное лицо, потерял бы канал поступления разведывательной информации и пополнения стрелкового движения, важный инструмент подготовки восстания в Царстве Польском. Совершенно очевидно, что в это время он трактовал ППС сугубо инструментально, как только перечисленные выше обстоятельства в августе 1914 г. перестали для него что-то значить, он навсегда с ней расстался. Это, пожалуй, самое веское доказательство того, что он никогда не был социалистом в точном смысле этого слова. Партия для него всегда была только инструментом для достижения главной жизненной цели — освобождения Царства Польского из-под русского господства.

Пилсудский усиленно готовил себя к роли командующего армией будущего свободного Царства Польского. Он был первым и единственным Главным комендантом стрелковых союзов и дружин, много занимался самообразованием, изучал, в частности, стратегическое искусство Наполеона, труды Клаузевица и Мольтке, опыт англо-бурской и русско-японской войн, действий повстанцев 1863—1864 гг. Конечно, это не могло заменить специального профессионального образования, но давало кое-какие знания, чтобы не чувствовать себя полным профаном в военном деле. Тогда же происходят изменения в его ближайшем окружении. Наряду со старшими товарищами по партии, которые были с ним на «ты», называли по-домашнему «Зюком», в нем появляется все больше новых, молодых лиц, будущих майоров, полковников и генералов польской армии, а пока что его горячих адептов, испытывающих к нему глубокое почтение. И не из-за разницы в возрасте, но потому, что он придал высокий смысл их существованию, реализовал их «сон о шпаге». Для них он навсегда останется «комендантом»¹².

Большие надежды Пилсудский связывал с балканским кризисом 1912 г. Взрывоопасную ситуацию в Юго-Восточной Европе он расценил как преддверие скорой войны между Австро-Венгрией и Россией [8, s. 158—159]. Он даже начал подготовку к созданию революционного правительства, наладил в Комиссии конфедерированных партий (ККП) взаимодействие нескольких польских политических организаций из русской и австрийской Польши, сторонниц освобождения Царства Польского из-под

власти Романовых. Однако конфликт с Россией на этот раз не входил в планы Австро-Венгрии, а без нее нечего было думать о восстании¹³.

¹² Поведение Пилсудского в предвоенные годы свидетельствовало, что у поляков появился политик, умевший рисковать, принимать ответственные решения и проводить их в жизнь. Этому не могли не понимать окружающие Пилсудского люди. Многие из них, еще недавно считавшие себя равными ему, отходили на второй план, и их место никто уже не занимал. По словам его старого соратника М. Сокольниковского, комендант становился все более одиноким в собственном лагере. Сходным образом характеризовал Пилсудского известный боевик, специалист по взрывному делу А. Лютце-Бирк. Причину воздействия Пилсудского на окружающих он объяснял присущей ему «логикой рассуждений и определенной «exterieur»... С ним нельзя было трепаться, а нужно было следовать за ходом его мысли и эту мысль развивать: да или нет, но нужно было ее развивать. Нужно было следовать за ним. А поскольку он для себя многие вещи обдумал, то доминировал над своим собеседником» [4, л. 14].

¹³ Вся помощь австрийцев польским военизированным организациям ограничилась выделением 3 тыс. карабинов устаревшей системы Верндла, 3 т взрывчатки и 30 тыс. крон. Оружие и взрывчатку Пилсудский мог получить только в случае войны с Россией [11, с. 34].

В начале лета 1914 г. казалось, что будущее проекта Пилсудского под большим вопросом. Две ничем не завершившиеся предшествующие военные тревоги в Европе притупили остроту восприятия происходящих событий [12, л. 7]. На этот раз действия Пилсудского ничем не напоминали ту лихорадочную активность, которую он проявлял в 1908 и 1912 гг. Серьезность ситуации стала понятна ему, видимо, лишь в середине июля 1914 г., когда австрийцы потребовали от него незамедлительно начать подготовку к проведению диверсий на территории Царства Польского.

Наконец-то он мог приступить к осуществлению главной цели своей жизни. Пилсудский объявил мобилизацию стрелков. Охваченный нетерпением, он непрерывно разъезжал по Кракову в автомобиле, предоставленном в его распоряжение одним из почитателей. В ночь с 1 на 2 августа начал работу его импровизированный штаб. 2 августа военное министерство выделило в распоряжение стрелков 3 тыс. однозарядных винтовок Верндла и 300 тыс. патронов (с дымным порохом) к ним. Это оружие было предназначено им еще в 1912 г. и с того времени хранилось на армейских складах¹⁴.

В тот же день находившийся на связи с Пилсудским капитан Ю. Рыбак разрешил ему начать мобилизацию своих подчиненных, а также сообщил, что стрелки будут наступать в направлении не Домбровского бассейна, который вошел в полосу наступления германской армии, а губернского города Кельце, где он не мог рассчитывать на поддержку многочисленного пролетариата. То есть события изначально стали складываться не по сценарию коменданта. Но это его не обескуражило, ведь в основу своего жизненного кредо Пилсудский положил наполеоновский принцип: «Главное ввязаться в бой, а там посмотрим» [8, с. 10].

3 августа было сформировано подразделение из 144 человек (1-я кадровая рота), которое Пилсудский предполагал развернуть после перехода границы в крупную воинскую часть. То есть техническая подготовка к началу реализации его плана проходила успешно. Хуже обстояли дела в политической области. Не дала результата попытка делегации Комиссии кон-федерированных партий получить от Вены твердое обещание создать самостоятельное государство в Царстве Польском. Галицийские национальные демократы, консерваторы и крестьянская партия отказались войти в состав блока поддерживавших Пилсудского партий, узнав от высокопоставленных австрийских государственных и военных руководителей, что движение «независимовцев» нужно им только для организации восстания на тылах русской армии и снабжения разведывательной информацией.

6 августа 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну России. Теперь успех проекта Пилсудского зависел только от одного: найдет ли он поддержку у жителей Царства Польского, откликнутся ли они на призыв «К оружию!» и вольются ли в ряды повстанческой армии. Ранним утром того же дня 1-я кадровая рота выступила в поход на Кельце. Поскольку русская армия была заблаговременно отведена от границы, то никаких боев не было.

¹⁴ На следующий день австрийское военное министерство издало приказ о передаче стрелкам еще 10 тыс. винтовок системы Верндла и 1 млн патронов к ним. Выделение стрелкам устаревшего оружия не было случайным делом. 3 августа министр обороны страны направил наместнику Галиции распоряжение о преобразовании всех военизированных организаций в части ландштурма (народного ополчения). Эти формирования надлежало вооружить карабинами Верндла, а в случае использования на фронте ополченцам следовало носить на левой руке черно-желтые повязки для обозначения, что они находятся под охраной международного права. В тот же день тот же министр запретил использование этих частей в качестве партизанских отрядов, так как это было бы нарушением норм международного права, а также их вооружение многозарядными винтовками. Ополченские формирования следовало

подчинить командирам линейных частей, а их офицерский корпус сформировать из людей, служивших в австрийской армии (отставных и запасных офицеров, а также старших унтер-офицеров) [9, s. 616—617]. Показательно, что военное командование не торопилось исполнить этот приказ, видимо, в уверенности, что план Пилсудского сработает и восстание начнется.

А оставшийся в Кракове Пилсудский, не получив от австрийцев благословения на политическую составляющую своего проекта и так и не сумев создать общенациональное представительство на базе ККП, решил добиться своего с помощью мистификации. Для начала он попытался освободить себя и стрелков от присяги Комиссии конфедерированных партий и получить неограниченную свободу дальнейших политических действий. На заседании ККП 6 августа комендант огорошил присутствующих известием, что в Варшаве 3 августа якобы создано Национальное правительство, которое потребовало, чтобы Главная комендатура ему подчинилась, и он с этим согласился. Комиссии, заявил Пилсудский, следует признать этот свершившийся факт. Австрийцам же суть мистификации объяснил желанием придать своей организационной деятельности политический характер, чтобы облегчить им создание в Царстве Польском гражданской администрации и его использование в своих интересах [9, s. 626]. В это время он еще верил, что Царство Польское восстанет, ему удалось освободиться от австрийской опеки и создать польскую армию под своим командованием, которая стала бы решающим аргументом в торге с Веней о будущем русской Польши.

Пилсудский нуждался в восстании, как в воздухе. Казалось бы, для восстания были все предпосылки: война как детонатор освободительного движения, ненависть поляков к России, их патриотизм и жертвенность, многолетняя пропаганда восстания, наличие ячеек Союза активной борьбы, наконец, известный ему от австрийцев русский план военных действий, предусматривающий вывод армии из левобережной Польши. Восстание должны были стимулировать вторгшиеся в Царство Польское стрелки, а также направляемые туда же специальные эмиссары, которым помимо пропагандистской деятельности предписывалось исполнять на местах обязанности представителей мифического Национального правительства и создавать военные комиссариаты. Эти административно-политические органы должны были играть в отношении вторгшихся на территорию Царства Польского немецких и австро-венгерских армий роль учреждений польской государственной власти и представителей местного населения.

А огонь восстания не то что не вспыхнул, но даже не затлеет. Население Царства Польского в основной своей массе сохраняло верность Романовым вплоть до Февральской революции 1917 г. Не подтвердилось и предвидение Пилсудского о ходе военной кампании. Русское командование, спасая французов, отказалось от оставления Левобережья и Варшавы. К тому же эти территории нужны были как плацдарм для готовившегося наступления в Галиции. Проект Пилсудского, как выяснилось, базировался на ложных основаниях. Его оглушительный провал буквально шокировал коменданта. В 1939 г. Шимановский вспоминал об этих днях: «Тот, кто видел Пилсудского в Кельце так, как видел его я, тот должен был заметить у него следы большого разочарования и подавленность. Пилсудский был в страшном настроении и под впечатлением общего провала» [4, л. 50].

В свете произошедшего мистификация Пилсудского оказалась ненужной. Более того, он потерял возможность распоряжаться судьбой даже стрелковых организаций, командиром которых был официально назначен австрийцами. Австро-венгерское командование не могло долго терпеть в рядах армии некомбатантское формирование. Русские войска, в полном соответствии с международными нормами ведения войны, расстреливали попавших в их руки польских стрелков¹⁵. Если бы австрийцы просто расформировали стрелковые части Пилсудского, то нанесли бы смертельный удар по его проекту. К счастью, этого не случилось, поскольку им было нужно движение «независимовцев». Выход нашел В. Сикорский, активист САБ и стрелкового движения, которого Пилсудский 10 августа 1914 г. назначил

¹⁵ В русской армии был отдан соответствующий приказ, чтобы не поощрять переход поляков из числа русских подданных на сторону противника.

военным комиссаром (т. е. своим уполномоченным) для Галиции. Он предложил австро-венгерскому Главному командованию создать на базе стрелковых и сокольных формирований Польский добровольческий корпус.

Одновременно Пилсудский потерпел фиаско и на политическом фронте. Его довоенные оппоненты — краковские консерваторы и Польские демократы 16 августа создали Главный национальный комитет (ГНК) как высшую политическую инстанцию провинции, взявшую в свое

ведение и все вопросы формирования и последующего развития Польского добровольческого корпуса. Комиссия конфедерированных партий признала новый орган и самоликвидировалась. Возникновение ГНК окончательно похоронило идею национального правительства. В случае непризнания Пилсудским нового органа он оставался бы с пустыми руками. Признав ГНК — сохранял возможность в будущем отвоевать утраченные позиции. Комендант понял это быстрее, чем его окружение, продолжавшее цепляться за концепцию национального правительства. Чтобы убедить соратников в своей правоте, Пилсудский даже пригрозил самоубийством, если они будут упорствовать [12, л. 10].

Исходя из полученного от австрийцев согласия на формирование добровольческого корпуса ГНК принял решение организовать два легиона, по одному в Восточной и Западной Галиции¹⁶. Их основу должны были составить стрелковые организации, в оперативном отношении подчиненные австро-венгерскому командованию. Польский характер корпуса обеспечивался назначением на командные должности австрийских офицеров польской национальности, введением особой формы одежды и польских знамен. Вооружение осуществлялось по нормам, предусмотренным для регулярной армии, в том числе артиллерией и пулеметами. Но самое главное, легионеры приобретали статус комбатантов. Пилсудскому, как он надеялся, командование создаваемым формированием не доверили, в его подчинении оставили только 1-й полк¹⁷. Это было немного, но все же что-то. Могло быть и хуже: судьба обычного эмигранта, к тому же подданного вражеского государства. И в этой непростой ситуации Пилсудский вновь показал себя политиком, способным противостоять превратностям судьбы и максимально полно использовать малейшие возможности для изменения трагического положения к лучшему. Свой 1-й полк он превратил из чисто военной в военно-политическую часть, а его бойцов — в личную гвардию, готовую на все ради своего коменданта, а с ноября 1914 г. — бригадира, командира созданной в декабре того же года на базе полка бригады¹⁸.

С августа 1914 до осени 1916 г. Пилсудский пребывал в состоянии непрерывной борьбы с командованием легиона, военным департаментом Главного национального комитета, который возглавлял В. Сикорский, самим ГНК. Пытался шантажировать австрийцев возможным переходом к немцам, препятствовал вербовке в оккупированном Царстве Польском добровольцев в легион, в котором помимо его полка/бригады были еще две части/соединения, не проявлявшие особых политических наклонностей. Огромный опыт пропагандистской деятельности и наличие в его окружении большого числа творческих людей позволили Пилсудскому очень быстро убедить многих поляков в том, что создание легиона — это его исключительная заслуга. Примером тому может служить широко отмеченный легионерами, общественными организациями и поляками Галиции и Царства Польского день его именин 19 мар

¹⁶ Восточный легион создать не удалось, на стороне австрийцев воевал только Западный легион. Но в историографии сохранилась традиция называть его во множественном числе — легионы. Правда, на русской стороне национальными демократами также был создан польский легион, т. н. Пулавский, но он с Пилсудским или австрийцами никакой связи не имел.

¹⁷ Но это не значит, что он оказался в опале у австрийцев. В конце 1914 г. был принят на личной аудиенции императором Францем Иосифом, в 1915 г. — награжден орденом Железной Короны.

¹⁸ Это звание соответствовало младшему генеральскому чину.

та 1915 г. В многочисленных поздравлениях бригадира именовали «гениальным вождем», «нашим героем», «творцом вооруженной силы», «воскресителем славы польского оружия», «восстановителем государственно-творческой традиции и инстинкта героизма в народе» и т. п. [13, л. 1—58]. Так было положено начало традиции «всемирного» празднования именин Пилсудского, продолжавшейся вплоть до 1939 г.

И все это делалось ради того, чтобы австрийцы назначили Пилсудского командиром легиона и согласились сами, а также убедили немцев в необходимости создания на территории оккупированного Царства Польского самостоятельного государства с армией под его командованием. Поскольку австрийцы и ГНК игнорировали эти претензии, в июле 1916 г. он решился на прямой шантаж, подав рапорт об отставке и демобилизации из ландштурма. Австрийцы, давно раскусившие игру бригадира, шантажу не поддались и в сентябре удовлетворили рапорт. Это было очередное, но не последнее фиаско Пилсудского. И вновь он продемонстрировал силу воли, не запаниковал, не стал проситься обратно на службу. Вполне возможно, что к тому моменту он уже знал о достигнутом в августе 1916 г. Берлином и Веней соглашении о создании, в нарушение норм международного права, на территории русской Польши Польского королевства. Такую договоренность трудно было сохранить в тайне от поляков, которых немало было в придворных и правительственных кругах Австро-Венгрии. Как бы там ни было, судьба дала Пилсудскому очередной шанс.

5 ноября 1916 г. австро-венгерским и германским генерал-губернаторами от имени своих императоров был оглашен манифест о создании «самостоятельного» (но не независимого) государства из польских земель, «вырванных из-под русского господства». Польское королевство должно было стать наследственной монархией с конституционным строем. Точное определение его границ откладывалось на будущее, но было известно, что польские земли в составе Германии и Австро-Венгрии в него не войдут. Этот акт был осужден Россией и ее союзниками. Зато его с восторгом восприняли сторонники Пилсудского в польских землях и среди эмигрантов, видя в нем свидетельство торжества политического гения их кумира и исполнение вековой мечты поляков¹⁹. Реакция на манифест 5 ноября Пилсудского, в очередной раз оказавшегося не у дел, была сугубо положительной. Он тут же призвал своих сторонников из числа подданных Российской империи, вслед за ним покинувших легион, вернуться на службу, а также предложил будущему правительству Польского королевства свои услуги в качестве военного.

8 ноября 1916 г. германский генерал-губернатор Г. Безелер, не дожидаясь создания польских органов власти, призвал поляков вступать в польский вермахт. Тем самым он продемонстрировал подлинную цель реализуемого Центральными державами плана — получить «пушечное мясо» в обмен на создание марионеточного государства на территории русской Польши. А так как добровольный набор без участия влиятельных польских политиков провести было сложно, немцы решили подключить к этому делу Пилсудского.

В начале декабря 1916 г. Безелер согласился на приезд Пилсудского в Варшаву. Бригадир вошел в состав Временного государственного совета (ВГС), первого польского органа власти

¹⁹ В качестве образчика такой реакции можно привести отправленное на его имя следующее приветствие: «Собравшиеся 12 ноября т. г. в Новом Тарге на торжественное собрание по случаю провозглашения Польского государства легионеры всех бригад и граждане всех сословий местного общества воздают почести творцу легионов и выражают надежду, что тот, который мощью своего великого духа создал легионы, организует Польскую армию, что приведет к возрождению вольного польского народа» [14, л. 98]. А из далекой Бразилии поклонник Пилсудского К. Рызиньский писал: «Пришли телеграммы: провозглашена независимость. Теперь все в наших руках. Нужно действовать, приложить титанические усилия. Я здесь сделаю свое». На организованном им торжественном собрании была принята резолюция с требованием к властям страны немедленно признать Польское королевство [15, л. 42, 44].

во вновь провозглашенном государстве, возглавил его Военную комиссию. Однако скоро понял, что и на этот раз, теперь уже немцы, хотят использовать его авторитет и влияние в собственных целях. Должность командующего формирующимся польским вермахтом, благодаря которому Пилсудский планировал стать реальной политической силой, занял Безелер. Военной комиссии фактически была отведена роль вербовочного бюро. Созданная бригадиром в Царстве Польском в 1914 г. немногочисленная Польская военная организация (ПВО) не могла обеспечить ему независимой позиции в отношениях с Веной и Берлином.

В марте 1917 г. в России произошла революция, и Временное правительство признало право поляков всех земель на независимое государство при условии его «свободного военного союза» с Российской республикой, чтобы оно не могло стать в будущем союзником Германии и Австро-Венгрии. Вступление в войну США в апреле 1917 г. существенно повысило шансы Антанты на победу. Все указывало на то, что торжествует концепция Р. Дмовского, уже более 10 лет связывавшего решение польского вопроса с Россией и Антантой.

Пилсудский позитивно оценил победу Февральской революции в России и принятые в Петрограде решения по польскому вопросу, позволявшие начать строительство независимого государства в бывшей русской Польше уже во время войны. Поскольку Центральные державы не меняли своего отношения к Польскому королевству и его армии, он решил порвать с ними. Скорее всего, такое решение созрело в апреле — мае 1917 г. В мае бригадир приказал полуявной Польской военной организации снова законспирироваться. Подумывал о создании собственного заграничного центра в России на базе существовавших там структур ПВО и политических организаций, признававших его авторитет. А авторитет был немалым, не случайно 8 июня 1917 г. съезд Союза военных поляков в Петрограде избрал Пилсудского своим почетным председателем. На свою платформу бригадир пытался привлечь других членов Временного госсовета, подбивал их солидарно подать в отставку из-за нежелания оккупантов передать полякам контроль над польским вермахтом, противодействовал вербовке добровольцев в это формирование и воздержался при принятии соответствующего воззвания ВГС, поскольку-де не может быть армии без правительства. Наконец, в начале июня он объявил о своем намерении подать в отставку с поста руководителя Военной комиссии. Во второй половине июня вел в Люблине переговоры с

генералом С. Шептицким о возвращении на австрийскую службу в качестве командира польских частей. Однако австрийцы ему отказали. В июне — начале июля Пилсудский вполне серьезно рассматривал возможность перехода через линию фронта на русскую сторону. Его соратники свидетельствуют, что к тому времени он уже не сомневался в поражении Центральных держав.

В таких условиях следовало определить тактику ухода с политической авансцены для своего движения и себя лично. В апреле 1917 г. австрийцы передали польский легион под командование Безелера. В его рядах было много людей, готовых выполнить любой приказ бригадира. Включаемые в состав польского вермахта легионеры должны были присягнуть на верность Вильгельму II. Бригадир решил, что отказ от присяги — это наилучший способ продемонстрировать разрыв легиона с немцами. Правда, «отказникам» грозили суровые кары, поэтому он оставил легионерам свободу выбора. 9 июля, во время присяги, около 3300 легионеров из бывших подданных России отказались это сделать. Они были интернированы и посажены в концентрационные лагеря. Примерно 3500 подданных Габсбургов отправили в австрийскую армию на Итальянский фронт. Часть легионеров присягнула. В том числе почти вся II бригада, которая позже, под Каневом, организованно перешла на русскую сторону.

2 июля бригадир подал в отставку с поста референта Военной комиссии. Главной причиной этого шага было названо нежелание немцев, на сотрудничество с которыми он пошел из патриотических, а не политических соображений, дать согласие на создание самостоятельной польской армии. Теперь Пилсудского ничего больше не связывало с вчерашними союзниками, из государственного деятеля он превратился в частное лицо.

Но, даже будучи не у дел, он был крайне неудобен для Безелера, мешал ему выполнять инструкции Берлина. 22 июля 1917 г немцы арестовали Пилсудского, репрессиям подвергся и ряд членов Польской военной организации, в том числе и ближайшие соратники бригадира. Пройдя через тюрьмы в Данциге, Берлине и крепости Везель, Пилсудский спустя месяц был изолирован в Магдебургской крепости²⁰. 8 ноября 1918 г., в условиях разгорающейся в Германии революции, узник обрел свободу. На следующий день специальный поезд увез его в Варшаву, которая все еще была в руках немцев.

За 15 месяцев, проведенных Пилсудским в заключении, в положении польского народа произошли кардинальные изменения. Пользуясь благоприятными обстоятельствами, сложившимися для решения польского вопроса после Февральской революции, Р. Дмовский существенно продвинул вперед его решение. С рубежа 1917—1918 гг. можно говорить о фактическом признании международным сообществом возрождения независимого польского государства²¹. Особенно важным, учитывая стремительно возраставшее влияние США, был 13-й пункт программы мира В. Вильсона, гласивший: «Следует создать независимое польское государство, которое должно охватывать земли с бесспорно польским населением, иметь свободный и безопасный выход к морю, политическая, хозяйственная и территориальная целостность которого должна быть гарантирована международным пактом».

Но это был только первый шаг к рождению нового государства²². Предстояло еще определиться с формой правления, создать общепризнанное в стране и мире правительство, установить государственные границы. Попытки Дмовского добиться включения в состав Польши значительных территорий первой Речи Посполитой на востоке, западе и севере, а также Верхней и Тешинской Силезии не получили поддержки США и держав Антанты.

Сторонники Р. Дмовского, этого общепризнанного на Западе польского лидера, пользовались достаточно широкой поддержкой в стране. Но оказались неготовыми к тому, чтобы в момент перехода от войны к миру быстро создать в Польше институты власти, особенно армию, и обеспечить нормальную жизнедеятельность возрожденного государства. Не удалось получить согласия на переброску польской армии из Франции сразу же после окончания войны. В этом отношении позиции Пилсудского были более сильными. Пилсудчики давно и настойчиво занимались укреплением своего влияния в обществе. В распоряжении Пилсудского было около 15 тыс. человек в составе ПВО, несколько тыс. легионеров, имевших значительный боевой опыт и способных стать костяком регулярной армии. А сам он из малоизвестного лидера социалистической партии и руководителя ее боевой организации превратился в широко известного и авторитетного политика, имевшего опыт управления

²⁰ Вполне следует согласиться с оценкой последствий интернирования, данной А. Гарлицким: «Если в личном отношении пребывание в Магдебурге было тягостным и трудным для Пилсудского, то в политическом отношении оно стало его огромным успехом. Арест стал великолепным выходом из все более двусмысленной и непопулярной концепции сотрудничества с Германией. Пилсудский становился жертвой преследований, символом борьбы с оккупантами. Каждая неделя, каждый месяц пребывания в Магдебурге повышали его популярность, превращали его в руководителя нации. месяцы немецкой

тюрьмы стали полным политическим успехом, позволили Пилсудскому не только восстановить прежнюю репутацию, но и создали ему позицию, которой у него еще никогда не было. Больше не имели значения зигзаги его политики — их прикрыл факт заключения» [3, с. 199].

²¹ Юридическое признание нового государства относится к июню 1919 г., когда Польша подписала соответствующий договор с державами-победительницами и согласилась на международную охрану прав национальных меньшинств на своей территории.

²² Историки обычно говорят о возрождении Польского государства, что не совсем точно, поскольку первая Речь Посполитая не была польским государством в точном смысле этого слова, аналогично тому, как СССР не был российским государством. Именно этой логикой в тот момент руководствовались союзники в польском вопросе.

большими массами людей. Правда, свои последние проекты Пилсудскому осуществить не удалось (создать самостоятельную польскую армию на стороне Центральных держав, в соответствующий момент перейти вместе с ней на сторону Антанты), но полностью оправдалась мысль, что созданные им военные и политические структуры могут оказаться востребованными, когда вопрос о независимости перейдет в стадию практического решения.

К моменту приезда Пилсудского в Варшаву политическая ситуация в Польше была сложной: в столице продолжали функционировать созданные еще при немцах Регентский совет и правительство, в Кракове — Польская ликвидационная комиссия, в Люблине — Народное правительство, в Познани оформлялся Главный народный совет. Все эти центры власти имели отчетливую политическую окраску и не демонстрировали готовности к компромиссу и консолидации. Стране, как воздух, нужен был общенациональный лидер, способный встать над политическими и региональными различиями и сплотить нацию вокруг государственной идеи. И таким человеком стал Пилсудский.

По прибытию в Варшаву он дал понять, что не будет придерживаться какой-либо политической ориентации, включая социалистическую, к которой его противники все еще продолжали его причислять. Раньше всего это осознали, пожалуй, консервативные политики, дискредитированные в обществе сотрудничеством с оккупантами. Регентский совет, прежде чем самоликвидироваться, 12 ноября поручил ему сформировать общенациональное правительство, передал военную власть и главное командование польским вермахтом, а затем и верховную власть до момента созыва сейма. Центристские и правые партии примирительные жесты Пилсудского первое время игнорировали, поэтому до января 1919 г. он вынужден был опираться на лояльное ему левое правительство. Оно успело предпринять в социальной области ряд мер в интересах трудящихся, не только уравнивших Польшу в этом отношении с развитыми странами, но и позволивших остановить дальнейшую радикализацию общества и избежать его раскола на непримиримые лагеря. Именно правительство Е. Морачевского назначило Пилсудского «начальником государства», формализовав его позицию главы государства, которую он де-факто занимал с момента возвращения из Магдебурга.

Национальные демократы пошли на контакт с Пилсудским лишь в декабре 1918 г., причем для обеих сторон сближение было вынужденным. Без поддержки Дмовского Пилсудский так и не сумел добиться признания Западом варшавского правительства, а национальные демократы без взаимодействия с Пилсудским не могли влиять на внутреннюю политику. Платой за компромисс стало включение людей Пилсудского в состав польской делегации на Парижской мирной конференции и согласие начальника государства на устранение левого кабинета Е. Морачевского. Для этого даже пришлось пойти на инсценирование государственного переворота [см. 16]. 16 января 1919 г. левый кабинет был заменен правительством специалистов во главе с И. Падеревским. Этот широко известный в мире пианист и композитор был для Запада достаточной гарантией умеренности варшавских властей. Незамедлительно последовало официальное признание его кабинета Польским национальным комитетом, а в конце января — феврале 1919 г. и великими державами.

Легче всего решился вопрос о форме государственного устройства страны. Победа западных демократий и широко распространенное убеждение, что парламентская республика — наилучшая форма правления предопределили выбор Польши. В январе 1919 г. на контролировавшейся варшавским правительством территории прошли парламентские выборы, а в феврале в Варшаве собрался сейм. Таким образом, за четыре месяца при самом активном участии Пилсудского были решены две задачи: создано общепольское правительство и обеспечено его международное признание.

Оставалась еще одна задача — установить государственные границы Польши. От характера и способа ее решения зависели отношения с соседями, место и роль в системе международных отношений. Наибольшее внимание Пилсудского привлекал восточный рубеж.

Совершенно очевидно, что, если бы Россия после революции 1917 г. не погрузилась в гражданскую войну, у Польши не было бы шанса получить территории к востоку от бывшей границы Царства Польского. Раскол России, казалось, давал Польше уникальную возможность изменить ситуацию в свою пользу. Во-первых, основные политические силы России, вовлеченные в борьбу за овладение Москвой и Петроградом, не контролировали ситуации на периферии бывшей империи. В условиях вакуума власти национальные окраины превратились в своеобразную «серую зону». Вырвавшиеся наружу социальные и национальные противоречия развели местные политические элиты по противоборствующим лагерям, которые, не имея возможности прочно удерживать власть, искали помощи у внешних сил. Сторонники большевизма — у советской России, их противники — у Антанты, США, Германии, а некоторые и у Польши, достаточно быстро добившейся относительной внутривнутриполитической стабильности и международного признания. Поэтому у Варшавы появлялась возможность поучаствовать в создании в Литве, Белоруссии и на Украине дружественных режимов, одновременно с этим обеспечивая себе важнейшее условие стратегической безопасности.

Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для понимания неизбежности возникновения польско-русского вооруженного конфликта 1919—1920 гг. Имевшийся у Европы опыт показывал, что малые государства не могут проводить сколько-нибудь самостоятельную внешнюю политику и для обеспечения своей безопасности вынуждены искать покровительства великих держав. Объявление США и Антантой главным принципом переустройства восточной части Центральной Европы и Балкан учет этнического состава населения означало, что Польша может распространить свой суверенитет на территорию порядка 150 тыс. км кв., с населением менее 20 млн чел. Такие территориально-демографические параметры не позволили бы ей надежно обеспечивать собственную безопасность, имея соседями Россию и Германию²³. Поскольку возможность приращения территории Польши за счет Германии были невелики, оставалось восточное направление. Такому выбору способствовал и отказ руководителей Англии, Франции, Италии и США от решения вопроса о восточной границе Польши в надежде на благоприятный для антибольшевистских сил исход гражданской войны.

В сложившейся ситуации у Пилсудского теоретически были два варианта действий. Можно было вместе с западными союзниками ждать победы белого движения в России и по мере

²³ Это прекрасно понимали польские военные. В мартовском номере журнала «Беллона» за 1919 г. появилась статья полковника польского легиона М. Жеготы-Янушайтиса «Стратегические границы Польши на востоке». Взгляды Янушайтиса можно трактовать как позицию той части армии, которая не причисляла себя к адептам Пилсудского, по политическим симпатиям он тяготел к национальным демократам. Полковник писал: «...отношения на востоке Европы еще долго будут слишком неопределенными и мало соответствовать идеалам союза наций. Поэтому Польша, веря в торжество высоких вильсоновских помыслов, должна все же стремиться к установлению таких границ (особенно на востоке), которые бы и в военном отношении гарантировали ей мир и преобладание на случай войны с варварским восточным соседом». Для этого следовало создать «стратегическую оборонную область», в силу природных условий абсолютно или в значительной степени непреодолимую для «оперативных масс». Ее линия должна была бы проходить от Риги на севере, вдоль Березины и Днепра до впадения в него Припяти, далее на юг вдоль рек Случ и Смотрич до Каменец-Подольска на Днестре, а затем по довоенной русско-австрийской границе (т. е. в целом соответствовать границе 1921 г.) [17, s. 174—175].

Маем того же года датируется меморандум генерала Т. Розвадовского, виднейшего военачальника первых двух лет существования независимой Польши. Как и Янушайтис, генерал был убежден в необходимости проведения восточной границы с учетом главным образом географических и военных потребностей. Из намеченных им трех возможных линий ее прохождения, максимальная граница почти соответствовала рубежам Речи Посполитой до 1772 г., минимальная более или менее совпадала с границей, установленной в 1921 г. в Риге [18, s. 68—72].

сил помогать ему в борьбе с красными. Но тогда о восточных землях следовало бы забыть, руководители белых в лучшем случае соглашались на вариант решения польского вопроса, предложенный Временным правительством. То есть Польше пришлось бы ограничиться на востоке декабрьской 1919 г. линией Антанты (линия Керзона). Шанс на успех давал другой сценарий: пользуясь благоприятным моментом и не дожидаясь конца русской смуты, самостоятельно решить вопрос о восточной границе²⁴, одновременно содействуя созданию к востоку от нее независимых от России буферных литовско-белорусского и украинского государств. Затем литовско-белорусское государство предполагалось объединить федеративной связью с Польшей, а с Украиной заключить союз против России. И такое решение глава государства и главнокомандующий польской армией Ю. Пилсудский принял для себя

уже в конце 1918 г. [19, с. 203—204], в момент, когда у него еще не было союзников из числа влиятельных украинских, литовских и белорусских политиков.

Дата принятия Пилсудским решения о войне на востоке важна для понимания развития отношений между РСФСР и Польшей. Хорошо известно, что большевистское руководство с момента прихода к власти сформулировало задачу распространения пролетарской революции на Запад, в том числе и на штыках Красной Армии. Но одно дело планы, особенно у людей, впервые вставших к штурвалу государства, другое — их реализация. Прежде чем начать зарубежный поход, Красной Армии нужно было победить в гражданской войне²⁵.

Так как Москва до 1920 г. не признавала за окраинными территориями, кроме Польши, права на отделение, то усилия по установлению на них советской власти трактовались не как зарубежный военный поход, а как часть гражданской войны, мотивировались социальными, а не национальными причинами. Конечно, в свете права наций на самоопределение вплоть до отделения это была агрессия. Большевики это понимали и, чтобы избежать обвинений в империализме, предлагали проведение там плебисцитов и создавали по периметру Великороссии с помощью своих местных единомышленников советские национальные государства — прибалтийские, белорусское, украинское, закавказские, Туркестан²⁶.

²⁴ Следует сказать, что, вопреки всеобщему мнению о несовпадении подходов Пилсудского и Дмовского к проблеме восточной границы (федерализм и инкорпорация), в этом вопросе они не расходились. Для них обеих аксиомой была принадлежность Польше Виленщины, Западной Белоруссии, Западной Волыни и Галиции. Расхождение касалось только судьбы территорий к востоку от этой линии.

²⁵ До второй половины февраля 1919 г. на западном театре военных действий от Эстонии на правом фланге до Белоруссии на левом было сосредоточено несколько слабых советских армий. Приказ о занятии территорий до линии Поневеж, Вильно, Лида, Барановичи, Пинск советская Западная армия получила 12 декабря 1918 г. Его выполнение не составило большого труда, поскольку армия просто следовала за эвакуирующимися отсюда немецкими войсками. 5 января 1919 г. части Западной армии заняли Вильно, который после оставления города немцами взяли под свой контроль отряды местной польской самообороны. К 15 февраля Западная армия достигла заданного рубежа, и начальник штаба ее реввоенсовета Костяев обратился к Г. В. Чичерину с просьбой, весьма неожиданной с точки зрения тех историков, которые считают, что советская сторона имела в тот момент конкретный план советизации Польши: «Военная обстановка позволяет дальнейшее продвижение, особенно на Брест-Литовск и Ровно, но политическая обстановка, главным образом со стороны Польши, остается неопределенной, посему благоволите указать, до какой линии или до каких пунктов считаете возможным наше продвижение, не нарушая политических соотношений, а также определить восточные границы Польши, которые для военного командования остаются совершенно неизвестными» [20, л. 8].

²⁶ Сохранилось довольно много свидетельств, что советская дипломатия придавала соблюдению политеса в данном случае огромное значение. Приведем лишь одно из них. 30 ноября 1920 г. Г. В. Чичерин писал в ЦК РКП(б): «Принцип независимости советской Украины сыграл громадную роль в нашей дипломатии и пресек буферизм Пилсудского» [21, л. 30].

Таким образом, территории между РСФСР и Польшей рассматривались в Москве и Варшаве как важные направления их политики, как составные части планов упрочения своих, а проживавшие здесь народы трактовались по преимуществу утилитарно, их мнением относительно собственной судьбы ни в Москве, ни в Варшаве по-настоящему не интересовались.

Но если Пилсудский определил для себя цели войны на востоке уже в 1918 г., то советское командование до середины февраля 1919 г. никаких директив на счет Польши не выработало и в войска не спустило. Директива Главного командования РККА о создании единого фронта на западном ТВД была издана лишь 12 февраля 1919 г., а его весьма умеренные задачи были определены еще позже, 22 февраля [22, с. 361—362]. А Пилсудский уже 8 февраля при поддержке Франции заключил с немецким командованием в Белоруссии соглашение о пропуске через немецкие порядки польских воинских частей. 13 февраля 1919 г. в окрестностях Барановичей произошло первое столкновение польских и советских войск. 19 апреля 1919 г. поляки заняли Вильно, обладать которым хотели также литовцы и белорусы. Силовое решение вопроса о Вильно закрыло для Варшавы путь к взаимодействию с литовской и белорусской политическими элитами, без чего проблематичным становилось создание в будущем федеративного польско-литовско-белорусского государства. Более того, оно подтолкнуло Ковно к сближению с РСФСР и подписанию в июле 1920 г. Московского договора, признававшего право Литвы на Вильно.

Зато стала вырисовываться перспектива взаимодействия Пилсудского с С.Петлюрой, которому приходилось вести борьбу и с УССР, и с Добровольческой армией Деникина. В отсутствие международного признания, УНР, как воздух, была нужна Польша, главная на тот момент сила в восточной части Центральной Европы. Состоявшиеся в августе 1919 г. в Варшаве польско-украинские переговоры завершились устным соглашением, по которому УНР уступала Польше желанные Восточную Галицию и Западную Волынь. Взамен Пилсудский обязался помочь УНР в борьбе с УССР. Таким образом, на Украине, в отличие от Литвы и Белоруссии, Пилсудскому была надежда на реализацию своего проекта. Правда, не сразу, поскольку летом 1919 г. Украина оказалась в полосе наступления Добровольческой армии. У Петлюры не было достаточных сил для борьбы с Деникиным, а Польша не могла прийти ей на помощь, чтобы не конфликтовать с Антантой.

В августе 1919 г. польская армия заняла Минск, вышла на линию Березины. Казалось бы, учитывая договоренности с Петлюрой, Пилсудский овладел всеми территориями на востоке, необходимыми для обеспечения безопасности Польши²⁷. Но без решения вопроса о буферной зоне между Польшей и Россией он не мог считать свой план выполненным. Поэтому ему не был нужен мир с РСФСР. Но и двигаться дальше, на Москву, хотя силы у него на тот момент были немалые²⁸, он также не собирался. Западные державы именно летом 1919 г. были полны оптимизма относительно перспектив победы белого движения. Пилсудского же такой исход гражданской войны в России не устраивал, поскольку и Колчак, и Деникин, в отличие от большевиков, ни о каких территориальных приращениях Польши сверх ее этнических границ не хотели слышать. В случае победы белых все его усилия, может быть, за исключением Восточной Галиции, пошли бы насмарку. Поэтому ему была нужна победа

²⁷ В уже упоминавшейся работе «1920 год» Пилсудский напишет, что в 1919 г. он свершил задачу «как можно дальше от мест, где выклевалась и ковалась новая жизнь, сделать невозможными любые попытки и поползновения еще раз навязать чуждую жизнь, жизнь, не устроенную нами самими» [19, с. 203—204].

²⁸ К осени 1919 г. под ружье было поставлено уже более 500 тыс. чел. И еще столько же можно было призвать в армию, если бы Запад предоставил необходимое снаряжение. Польский премьер И. Падеревский даже сделал такое предложение, но оно не нашло поддержки великих держав, опасавшихся, в частности, что это приведет к превращению гражданской войны в отечественную [23, с. 78—80].

красных²⁹. И это легко объясняется тем, что при всей нелюбви к большевикам³⁰, он в Белоруссии и на Украине боролся не с большевизмом, а за стратегические границы Польши, за ее безопасность в будущем³¹.

1919 г. был самым трудным для советской власти годом за все время гражданской войны. Иногда казалось, что ее может спасти только чудо. Поэтому большевики были согласны на любые территориальные уступки за счет нерусских территорий, лишь бы завершить конфликт на западе и высвободить силы для борьбы на Восточном и Южном фронтах. И Пилсудский вошел в их положение.

В начале сентября по приказу Пилсудского армия и действовавшая на Украине и в Белоруссии нелегальная Польская военная организация прекратили активные действия против Красной Армии, а Москва дала знать, что готовы возобновить начатые летом и вскоре прерванные переговоры делегаций Красных Крестов. Начавшиеся в октябре в условиях абсолютной секретности и продолжавшиеся до декабря 1919 г. краснокрестные переговоры в Микашевичах, небольшой железнодорожной станции в Полесье, на польской стороне фронта, сопровождались политическим диалогом. На этот раз они были результативными³². Пилсудский, поставив ряд жестких условий военного характера, дал слово руководителю советской делегации Ю.Мархлевскому при их соблюдении советской стороной не вести активных наступательных действий на Литовско-Белорусском фронте [25, л. 14]³³. Но советское предложение начать мирные переговоры польская сторона проигнорировала³⁴.

Негласное перемирие отвечало интересам обеих сторон. Зима в тот год началась на месяц раньше обычного, и плохо экипированной, испытывающей трудности с продовольствием (1919 г. был в Польше неурожайным) польской армии нелегко было бы вести активные боевые действия. Солдаты старших призывных возрастов воевали неохотно, поэтому следо

²⁹ На это, кстати, в декабре 1919 г. обратил внимание Ю. Мархлевский. В докладной записке в ЦК РКП(б) от 24 декабря он писал о Пилсудском как представителе одного из двух течений в «польской буржуазии», которое не желает вести войны с целью уничтожения советской власти и поддержки контрреволюции, так как ее победа означала бы угрозу самостоятельности Польши. Из опасения воздействия коммунистов на Польшу они желают оградить ее от советской России "буферами", Литвой и Белоруссией. Другую группировку составляют те, кто готов сотрудничать с Деникиным» [24, с. 449; 25, л. 24].

³⁰ Сохранилось множество свидетельств его уничижительных оценок советского военного и политического руководства, на которые обычно ссылаются как на свидетельства чуть ли не зоологического антисоветизма Пилсудского. Но о людях следует судить не по словам, а делам их.

³¹ Столь же упорно Пилсудский боролся за стратегические границы Польши с буржуазными Чехословакией, ЗУНР, Германией и Литвой.

³² Все упомянутые выше польско-советские контакты подробно проанализированы И. В. Михутиной в ее уже цитировавшейся монографии.

³³ Следует сказать, что Пилсудский в целом соблюдал до 25 апреля 1920 г. данное слово. За это время польская армия провела всего две наступательные операции локального характера — захват вместе с латышами Динабурга (Даугавпилса) и Мозырскую операцию в белорусском Полесье. Однако боестолкновения местного значения не прекращались, в их результате были потери убитыми, ранеными и пленными. Соответствующие данные см.: [26]. По словам А. И. Деникина, соглашение в Микашевичах позволило советскому командованию перебросить на его фронт до 43 тыс. штыков и сабель [27, с. 101].

³⁴ 18 октября 1919 г. Ю. Мархлевский передал в НКВД содержание своего разговора с представителем Пилсудского И. Бёрнером: «Я спросил, почему же, если Эстония, Латвия и Литва могут вести переговоры, этого не может сделать Польша? Он заявил, что сейчас Польша не может, но вскоре сможет. Я спросил, мешает ли этому Антанта? Он уверялся, указывал, что положение с Антантой очень сложное, что решаются очень важные вопросы и потому сейчас Польша еще не совсем свободна, но скоро у нее будут "развязаны руки". Я добивался более точного ответа: Силезия ли тут или чехи, но не получил ответа» [25, л. 9 об.].

вало призвать в армию и обучить как можно больше молодежи, для чего требовалось время. Крупное наступление на Украине было запланировано на весну, когда там растает снег и высохнут грунтовые дороги, а в Белоруссии весна еще только будет начинаться. Его целью был трансферт Петлюры с помощью польской армии на Украину, чтобы он создал на не отданной Польше территории Правобережья Днепра независимое от России и дружественное Польше украинское государство. Петлюра из-за малочисленности войск самостоятельно сделать этого не мог. Лишь после воссоздания УНР и укрепления его позиций на Украине Пилсудский мог бы считать завершенным эпохальное дело обеспечения безопасности Польши от угрозы с востока. Не случайно в Микашевичах он требовал от советского правительства отказа от военных действий против Петлюры.

Но и советская Россия в конце 1919 г. вздохнула свободнее. Армии Деникина были разбиты, противник очистил Украину, в Киеве в очередной раз была восстановлена советская власть. Реальную угрозу представляли две силы. Во-первых, остатки Добровольческой армии на юге России, для уничтожения которых нужны были значительные силы. Во-вторых, группировка польских войск в Белоруссии, в непосредственной близости от границ РСФСР, в состав которой в то время входили Могилевская и Витебская губернии. В советском руководстве ожидали, что в отсутствие мирного договора с Польшей Пилсудский в любой момент может возобновить наступательные операции³⁵, поэтому в 1920 г. сюда, как и на врангелевский фронт, стали перебрасываться боеспособные части с задачей надежно прикрыть смоленское направление.

Кремль опасался не только новых наступательных действий польской армии, но и их координации с белым движением, тем более что в Польше в середине декабря был сформирован кабинет Л. Скульского, расценивавшийся в Москве как свидетельство ослабления позиций Пилсудского и возрастание опасности поворота Польши к политике «уничтожения большевизма, содействия Деникину» [24, с. 450]. Нужно было вывести Польшу из игры, желательно мирными средствами. Именно такая задача была поставлена перед советской дипломатией. Уже в конце декабря 1919 г. в Москве было принято решение обратиться к Варшаве с мирным предложением. Публичный характер обращения должен был способствовать активизации борьбы левых сил в Польше за прекращение войны³⁶, а также «затруднить действия сторонников активной политики против нас и соглашения с Деникиным» [30, л. 33; 24, с. 486—487]. 22 декабря по радио была передана соответствующая нота польскому правительству, не содержащая, естественно, конкретных мирных предложений. Так началось советское «мирное наступление» первых месяцев 1920 г. По времени оно совпало с началом пересмотра Антантой прежнего курса в русских делах. Вместо дальнейшей финансовой и материальной поддержки белого движения великие державы склонялись к идее окружения советской России своеобразным санитарным кордоном (по словам Клемансо, «колючей проволокой») из сопредельных стран. Эта политика должна была также помешать сближению и взаимодействию РСФСР и Германии, двух изгоев международной сцены.

Варшава попала в затруднительное положение, поскольку советская нота содержала мотивированное обвинение польского правительства в нежелании заключать мир [24, с. 446]. Согласие на

переговоры означало бы для Пилсудского конец его восточного проекта. Но на такой шаг он в тот момент еще не был готов, весь предыдущий год был временем триумфа польского оружия на польско-советском фронте. Поэтому была избрана тактика затяжки ответа, а в предварительном ответе на ноту Чичерина было сказано, что определенный ответ

³⁵ Например, Л. Троцкий 28 января 1920 г. телеграфировал Г. Зиновьеву, что «все последние данные говорят о близкой возможности наступления поляков по всему фронту» [28, с. 43].

³⁶ Этот расчет был верным, после ноты Чичерина ППС заметно настойчивее стала требовать скорейшего завершения войны на востоке. См. напр.: [29, с. 296, 299, 312—314].

будет дан только после консультации с союзниками. Одновременно Варшава развернула пропагандистскую кампанию, убеждая общественность и западных союзников в том, что советское руководство усиленно готовится к нападению на Польшу и военному походу в Европу, с ним нельзя заключать договоры, ибо оно их не соблюдает, сговаривается с Германией и т. д. Лейтмотив же был один: Польша без помощи великих держав деньгами, продовольствием и оружием в этом столкновении не устоит [см. 24, с. 481—486, 488—491] ³⁷.

В Москве скоро поняли, что в условиях относительного затишья на советско-польском фронте как подтвердить, так и опровергнуть утверждения польской пропаганды сложно. Нужна была более конкретная демонстрация советского миролюбия, причем на уровне, выше НКВДовского. 27 января 1920 г. Совнарком создал комиссию в составе В. Ленина, Л. Троцкого, Г. Чичерина для обсуждения обращения к польскому правительству, а также поручил направить его во ВЦИК Советов [31, л. 128]. На следующий день обращение СНК к правительству и народу Польши с изложением основ своей польской политики было передано в Варшаву. Оно содержало 4 принципиальных положения: безоговорочное признание независимости и суверенитета Польши; соблюдение нерушимости нынешней линии прохождения фронта в Белоруссии и на Украине; отказ от заключения договоров с Германией и другими странами, прямо или косвенно направленных против Польши; готовность мирно, путем переговоров, взаимных уступок и соглашений решать все вопросы двусторонних отношений, включая территориальные и экономические [24, с. 508—509]. 2 февраля эти предложения СНК были подтверждены ВЦИК. 19 февраля правительство УССР также выразило желание начать мирные переговоры на основании предложений СНК РСФСР. Несомненно, советская сторона сделала сильный ход, публично отказавшись от территорий, которые считала своими по историческому праву. Но он ровным счетом ничего не изменил. Пилсудский ждал весеннего тепла, чтобы продолжить реализацию своего восточного проекта. Непосредственная граница с РСФСР и УССР ему была не нужна, поэтому излишними были и переговоры. В связи с этим следовало как можно дольше сохранять неопределенность во взаимоотношениях с советской Россией. Этому помогало и то, что западные союзники никак не могли определиться: мириться или воевать Польше с советскими республиками [24, с. 530].

В феврале — марте 1920 г. в Варшаве шла неспешная разработка ответных предварительных мирных предложений. Наконец, 8 марта, состоялось закрытое заседание польского кабинета для выработки требований на мирных переговорах с советским правительством. Программа-максимум (допускавшая отказ от нее в ходе переговоров) предполагала восстановление границ 1772 г., программа-минимум имела целью обеспечение Польше т. н. линии безопасности, проходившей между границей 1772 г. и актуальной линией фронта. Планировалось заключение военного союза с Петлюрой и оказание ему помощи в воссоздании УНР к востоку от течения Збруча и Стыря, и даже Горыни. Восточную границу своего государства украинцы должны были отвоевать у России самостоятельно ³⁸. По согласованию с Пилсудским правительство отказывалось от создания союзного с Польшей белорусского государства. Гродненщина и Виленщина безоговорочно передавались Польше, а на территории Минского округа и «других приобретенных территориях, расположенных восточнее его», белорусам планировалось сделать «уступки в области самоуправления и культуры». Фактически, речь шла о какой-то форме культурно-административной автономии для земель, распо-

³⁷ Кстати, стенания Пилсудского американскому посланнику в Варшаве Х. Гибсону по поводу столь ужасного состояния польской армии, что «операции крупного масштаба вызвали бы крах и завоевание страны большевиками», никак не согласуются с его заявлениями своим сторонникам, что он может бить большевиков, где хочет и когда захочет.

³⁸ Интересно, что польский посланник в Лондоне Е. Сапега считал Украиной только правый берег Днепра, все остальное для него было Россией [24, с. 599].

женных между инкорпорированными в состав Польши белорусско-литовскими землями и советской Россией [24, с. 569—571]. Таким образом, правительство взяло на вооружение восточный проект Пилсудского, модифицированный с учетом невозможности создания союзного Польше литовско-белорусского государства.

Только 27 марта, через два месяца после советской инициативы, Польша дала согласие начать мирные переговоры в прифронтовой полосе, в Борисове, без прекращения «враждебных действий» на других участках фронта [24, с. 515]³⁹. Начался безрезультатный диалог о месте и условиях переговоров, так и не закончившийся до начала польского наступления на Украине 25 апреля 1920 г. Предложения о посредничестве, например эстонского министра иностранных дел Бирка представителю Польши в Таллине Боуфалу, отвергались с порога под тем предлогом, что «Россия на самом деле не хочет мира» [32, л. 24]. Одновременно, с середины апреля польское военное командование приступило к непосредственной подготовке наступательной операции, в том числе подписав политический договор и военную конвенцию с Петлюрой. Показателем того, сколь огромное значение имело для Первого маршала Польши Пилсудского (именно такое звание было ему присвоено в марте 1920 г.) наступление на Украине, свидетельствует его решение лично им командовать. До этого главнокомандующий руководил фронтовой операцией только при захвате Вильно в апреле 1919 г.

Было бы неверно считать, что советская сторона все время передышки не готовилась к эвентуальному возобновлению военных действий на польском фронте⁴⁰. Достиженные к началу 1920 г. успехи в борьбе с белым движением позволили существенно укрепить Западный фронт. В апреле его командующим был назначен М. Н. Тухачевский, хорошо зарекомендовавший себя на колчаковском фронте и пользовавшийся полным политическим доверием [33, л. 11]. Он решительно взялся за наведение порядка в войсках, пополнил их за счет дезертиров и местного призыва. В целом Западный фронт стал серьезной военной силой, способной вести не только оборонительные, но и наступательные операции.

Что касается группировки советских сил на украинском участке польского фронта (12-я и 14-я армии), то она, как и прежде, уступала по численности личного состава и огневой мощи противостоящим ей трем польским армиям, а также находившимся под польским оперативным командованием украинским дивизиям.

25 апреля 1920 г. началось подготовленное в обстановке полной секретности польское наступление на Украине. Столь успешное и стремительное, что уже 7 мая передовые польские дозоры группы войск Э. Рызд-Смиглы на трамвае въехали в центр Киева, который Красная Армия оставила без боя. Однако успех, первоначально казавшийся ошеломительным, на самом деле был половинчатым. Большую часть своей живой силы противник успел отвести за Днепр и в южном направлении. Подтвердилось сделанное в марте 1920 г. польским посланником в Париже М. Замойским наблюдение относительно изменения взгляда французского правительства на большевистскую систему: она приобретает национальный характер, и теперь польско-советская война ведется не в защиту Европы от большевизма, а за «разрешение чисто польско-большевистских (т. е. русских. — Г. М.) споров» [24, с. 603]⁴¹.

Советская сторона постаралась представить свои действия как защиту национальной русской территории от иноземного нашествия. И в принятом 29 апреля обращении ВЦИК и

³⁹ Следует напомнить, что в тот же день была закончена разработка французским генералом П. Анрисом планов военной операции польской армии на востоке.

⁴⁰ М. Литвинов объяснял причину содержания советской Россией большой армии именно несправедливыми требованиями Польшей границ 1772 г., в которых были и чисто русские области [24, с. 636].

⁴¹ Об этом же, кстати, говорил и Литвинов в уже цитированном заявлении американскому корреспонденту от 3 апреля 1920 г. [24, с. 636].

СНК «Ко всем рабочим и крестьянам и честным гражданам России» (уже сам адресат был необычен для советской власти), и в решениях политбюро ЦК РКП(б) от 4 мая непривычно для большевиков, пусть и не так четко, как в 1941 г., прозвучали патриотические нотки [34, с. 24—28; 33]⁴². Несомненно, колоссальный резонанс имело широко распропагандированное по постановлению политбюро ЦК РКП(б) советскими СМИ письмо А. А. Брусилова Н. И. Раттелу от 1 мая 1920 г., в котором он говорил о неотложной необходимости в связи с иностранным нашествием «возбуждения народного патриотизма, без которого крепкой и боеспособной армии не будет» [28, с. 74—76].

Польская наступательная операция на Украине преследовала главным образом политические цели. Дойдя до Днепра, поляки остановились, в Белоруссии наступление не планировалось, непосредственно советской власти не угрожали, с Врангелем своих действий не координировали. Украинская кампания должна была обеспечить Петлюре возможность создать достаточно сильные

институты не связанного с Россией украинского государства на оккупированной поляками части Украины. Но для этого ему не хватило популярности, сил и времени. К тому же неожиданно для себя польская армия, несомненно, существенно более сильная, чем в 1919 г., встретила с иным противником, нежели тот, которого она еще недавно так легко била.

В мае поляки с трудом сдержали натиск советских частей в Белоруссии, в конце того же месяца Красная Армия перешла в наступление на Украине, завершившееся прорывом фронта и выходом 1-й конной армии С. Буденного в тылы польско-украинских войск. Началось польское отступление на Украине, вскоре превратившееся чуть ли не в паническое бегство. Возникла ситуация, очень напоминавшая апрельско-майское отступление красных армий на Украине: стремительно отходя, польская армия сохраняла живую силу, а тем самым и возможность, переформировавшись и пополнившись, перейти в контрнаступление.

В июле 1920 г. произошел ряд событий, существенно повлиявших на дальнейшее развитие отношений конфликтующих сторон. Поражение на Украине встревожило польских политиков и заставило их изменить подход к восточной политике, которая с момента возрождения Польши находилась в исключительном ведении Пилсудского. Пока начальнику государства и главнокомандующему сопутствовал успех, его действия критиковали, слегка поругивали, но не блокировали. Теперь же, в условиях надвигающейся катастрофы польского государства, крупнейшие политические партии ответственность за восточную политику решили взять на себя. С этой целью 1 июля 1920 г. был создан чрезвычайный коллегиальный орган — Совет обороны государства (СОГ). Возглавил его, правда, Пилсудский, но не столько из-за своего авторитета, сколько по формальным критериям, как глава государства и главнокомандующий.

4 июля советские войска перешли в наступление в Белоруссии, на следующий день фронт неприятеля был прорван, началось его поспешное отступление. 6 июля СОГ телеграммой, а 9 июля польский премьер В. Грабский лично обратились к собравшимся на конференцию в бельгийском Спа лидерам Антанты с просьбой посредничать в прекращении военных действий с советскими республиками. В. Грабскому пришлось выслушать много нелюбезных слов в адрес польской восточной политики, но помощь была обещана [34, с. 138—142, 144—150]. 11 июля британский министр иностранных дел лорд Дж. Керзон направил СНК РСФСР ноту, содержащую достаточно благоприятные для советской стороны территориальные предложения относительно будущего разграничения. В основу была положена де

⁴² Надо признать, что большевики боялись переборщить с патриотизмом в ущерб классовости, поэтому В. Ленин требовал «не пересаливать» в газетных материалах о Польше и польской войне, т. е. не впадать в шовинизм, всегда «выделять панов и капиталистов от рабочих и крестьян Польши» [34, с. 29].

кабрьская 1919 г. линия Верховного Совета Антанты. Неожиданностью был отказ Польше в праве владения Восточной Галицией, в декабре 1919 г. отданной Антантой под польское управление сроком на 25 лет. Кроме того, Варшаве дали понять, что ни о какой независимой от России Украине не может быть и речи, в числе участников планировавшихся в Лондоне мирных переговоров Украина не упоминалась [35, с. 54—55].

Успех на фронтах и нота Керзона требовали от Кремля ответа на такие принципиальные вопросы, как-то: до какого рубежа наступать, каков будет статус Польши после разгрома ее армии? Документы свидетельствуют, что по этим и другим вопросам в советском руководстве в начале июля не было согласия. Но различные мнения члены партии могли высказывать свободно только до принятия соответствующего решения одной из высших партийных инстанций, после чего полагалось строго его придерживаться. 17 июля пленум ЦК РКП(б), второй по значимости после съезда партийный ареопаг, в не подлежащих обнародованию тезисах записал: «Помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться от их помещиков и капиталистов». Это означало, что победила линия сторонников «советизации» Польши с помощью Красной Армии. При этом пытались сделать вид, что Польша будет полноценным государством в границах, даже более выгодных, нежели те, которые ей пыталась гарантировать Антанта устами Керзона. Пленум также отверг посредничество Лиги наций и Великобритании, заявил о невозможности заключения перемирия с Врангелем [28, с. 142—143]. Тезисы свидетельствовали о решимости советского руководства продолжить боевые действия и на территории этнографической Польши.

23 июля решением политбюро ЦК РКП(б) был создан Польский временный революционный комитет, тогда же Красная Армия вступила на территорию этнической Польши. Казалось бы, финал затянувшегося польско-советского турнира близок и победителем в нем будут советские республики. Стороны конфликта поменялись ролями. Если в 1919 г. условия диктовал Пилсудский, то теперь с таких

же позиций выступала советская сторона. В конце июля, параллельно с непрекращающимися военными действиями, возрастает дипломатическая активность сторон конфликта, существенно простимулированная нотой Керзона. 23 июля Г. Чичерин направил польскому министру иностранных дел Е. Сапеге ноту, извещавшую о поручении главному командованию Красной Армии «немедленно начать с польским военным командованием переговоры в целях заключения перемирия и подготовки мира (подч. авт. — Г. М.) между обеими сторонами» [34, с. 192]. В тот же день советское главное командование известило польское главное командование о получении распоряжения вступить с ним в переговоры «о перемирии и мире (подч. авт. — Г. М.)» [34, с. 193]. Отмеченные различия в текстах, как это не парадоксально, отвечали интересам обеих сторон. Советская сторона, планировавшая вести переговоры о перемирии без остановки военных действий⁴³, считала, что это задание должно быть поручено военным, «без видных политиков», а мирные переговоры следует вести другой комиссии в другом месте [37, л. 1]. Утвержденные 31 июля политбюро ЦК РКП(б) условия прелиминарного мира больше напоминали ультиматум поверженному противнику [38, с. 155—160], и для их навязывания, конечно же, больше подходили военные.

В парламентских государствах военные не могут вести переговоры о прелиминарном мире, это прерогатива политических инстанций. Поэтому польская сторона получала возможность, не отказываясь от переговоров о перемирии, не давать военным мандата на ведение переговоров о предварительных условиях мира. А тем самым затянуть их, получить время

⁴³ 15 июля 1920 г. член РВС Западного фронта И. Смилга писал Чичерину: «наши требования должны быть составлены так, чтобы вызвали серьезные возражения со стороны Антанты и заставили ее требовать пересмотра наших условий, что нам только и нужно для дальнейшего продвижения вперед» [36, л. 32].

на переформирование, пополнение и довооружение армии, чтобы затем попытаться переломить ситуацию на фронте в свою пользу⁴⁴. Эту тактику поляки применяли до 17 августа 1920 г.⁴⁵

А тем временем положение стало меняться в пользу Польши. В начале августа польско-французское военное командование провело успешный маневр, позволивший польской армии оторваться от преследователя, перегруппировать силы и 12 августа начать длившееся почти две недели Варшавское сражение. Его судьба была практически предрешена 16 августа, когда, в соответствии с утвержденным главнокомандующим Ю. Пилсудским планом, специально созданная ударная группировка⁴⁶ прорвалась в тыл наступающих на Варшаву советских армий⁴⁷. Началось отступление сначала Западного, а в сентябре — и Юго-Западного фронта. В октябре фронт вернулся к рубежам, которые противоборствующие армии занимали на 25 апреля 1920 г.

Существенным новым моментом было только то, что теперь у Пилсудского не было свободы рук. Начавшиеся в августе 1920 г. в Минске мирные переговоры не были прерваны, но по обоюдному согласию сторон их перенесли в Ригу. 12 октября военные действия были приостановлены, а спустя шесть дней подписаны перемирие и прелиминарные условия будущего мирного договора.

Советскую мирную делегацию в Риге возглавил лучший переговорщик РСФСР А. Иоффе⁴⁸, польскую — вице-министр иностранных дел, член ПСЛ-«Пяст» А. Домбский. Именно этим двум руководителям пришлось решать все главные вопросы, по которым не было согласия в профильных комиссиях. Следует сказать, что обстановка в латвийской столице была иной, нежели та, которая, несомненно, имела бы место в случае, если бы переговоры проходили под диктовку польской или советской стороны. Это была дипломатическая баталия двух равных партнеров. И хотя все время, пока работала конференция, участников переговоров периодически будоражили слухи о скором возобновлении той или иной стороной войны, дважды на советскую территорию из Польши прорывались войска С. Петлюры, Б. Савинкова, Б. Перемыкина, С. Булак-Балаховича, Ю. Тютиника, она неуклонно двигалась к успешному завершению.

Легче всего был достигнут компромисс в территориальном вопросе. Советская сторона без долгих споров согласилась уступить Польше значительные территории в Белоруссии и на Волыни. Это довольно важное обстоятельство, позволяющее думать, что советское предложение о линии границы между Польшей и советскими республиками от 28 января 1920 г.

⁴⁴ Об этом свидетельствует то, что польское правительство на своем секретном заседании 29 июля 1920 г. обсуждало только вопрос перемирия [38, с. 211—213]. Поэтому у прибывшей в Барановичи на переговоры польской делегации не оказалось полномочий на переговоры о прелиминарном мире, в связи с чем не были не только начаты переговоры о перемирии, но даже названы советские условия [38, с. 246, 252—253, 262—263].

⁴⁵ Об этом 14 августа Л. Троцкий писал Чичерину [39, л. 18]. Это же на конкретных фактах доказывал глава советской делегации на мирных переговорах в Минске К. Данишевский в протесте, поданном полякам 19 августа 1920 г. [39, л. 58].

⁴⁶ Это была третья за время войны операция, которой лично командовал Первый маршал Польши.

⁴⁷ Некоторые исследователи считают переломом успешные бои 5-й польской армии 14—15 августа.

⁴⁸ Сохранилась интересная самооценка А. Иоффе. 29 августа 1920 г. он писал В. Ленину: «В Европе ко мне имеется определенное отношение: с одной стороны, меня считают лучшим российским дипломатом, а с другой стороны — дипломатом мягким и более уступчивым, чем другие, поэтому мое участие в переговорах непременно... оно... будет воспринято, во-первых, как собственное признание нами затруднительности нашего положения, ибо скажут, что мы двинули самую тяжелую артиллерию., во-вторых же, понято будет как некоторая перемена курса и переход к более уступчивой линии» [36, л. 40].

было искренним. Более того, Чичерин даже не исключал возможности того, что поляки потребуют больше, чем им предложила советская делегация ⁴⁹. Seriously рассматривался вопрос о территориальной компенсации Польше за отказ от Браславского коридора, отделившего Литву от РСФСР [38, с. 121, 123—124].

Основные трудности возникли по вопросам, касавшимся суммы компенсации Польше за «активное участие земель Польской Республики в хозяйственной жизни бывшей Российской империи», а также размера передаваемого подвижного состава. Лишь 23 февраля 1921 г. Иоффе известил Москву, что в связи с тем, что не осталось «слишком больших разногласий при разрешении основных вопросов о золоте и подвижном составе», они с Домбским согласились на немедленное подписание «договора о репатриации со всеми соответствующими протоколами (в том числе и о продлении срока отказа от перемирия) и инструкцию пограничной комиссии» [40, л. 273]. Договор о репатриации был подписан 24 февраля 1921 г., а приступили к его исполнению в марте того же года. Следует ли критиковать участников переговоров, что материальные вопросы они поставили выше гуманитарных? С общечеловеческих позиций — да. Но вряд ли было бы правильным решение начать перемещение сотен тысяч людей в зимнее время. Как показал опыт обмена перечисленными выше категориями людей, ни советская, ни польская стороны не были к нему готовы.

Рижский мирный договор, подписанный 18 марта 1921 г. ⁵⁰, поставил жирный крест на восточном проекте Пилсудского. Хотя и была создана достаточная с военной точки зрения «стратегическая область» на востоке, но Польша получила общую границу не с союзными ей Литовско-Белорусской и Украинской республиками, а с БССР, УССР и Литвой, имевшими к ней серьезные территориальные претензии. Таким образом, ее непосредственными соседями до 1939 г. стали Германия и советские республики/СССР, считавшие себя обиженной поляками стороной. К тому же в составе Польши оказались миллионы украинцев и белорусов, не желавших подвергаться ни этнической, ни государственной ассимиляции, что существенно ослабляло ее внутреннее единство и сплоченность.

Дальнейшая история подтвердила правоту неблагоприятного для Польши прогноза, сделанного в мае 1919 г. Дж. Смутсом в письме Д. Ллойд-Джорджу: «Я убежден, что, неоправданно увеличивая Польшу, мы не только опровергаем приговор истории, но и допускаем кардинальную ошибку, которая еще отомстит в ходе истории. Новая Польша будет включать миллионы немцев (и русских) и округа с немецким населением (и русским) или же такие, которые долгое время были частью Германии (или России). Можно с большой долей уверенности полагать, что как Германия, так и Россия вновь станут великими державами и что зажатая между ними новая Польша может процветать только при их доброй воле. Как можно в таких условиях ожидать, что Польша будет чем-то другим, нежели неудачным творением, даже если бы она имела способность к управлению и администрированию, а этой способности она не имеет, как свидетельствует история. Даже сейчас, во время работы конференции, поляки сопротивляются великим державам, а что будет в будущем, если произойдет раскол держав или если они столкнутся друг с другом? Я убежден, что мы строим замки на песке...» [42, с. 185—186].

⁴⁹ 6 ноября 1920 г. Г. Чичерин писал секретарю ЦК РКП(б) Н. Крестинскому: «Коллегия НКВД находит нежелательным присоединение к территории Белоруссии каких-либо частей Витебской или Могилевской губерний. Мы еще не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии, и увеличивать заранее ту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосторожно» [21, л. 41].

⁵⁰ Г. Чичерин просил перенести подписание договора хотя бы на 20 марта, чтобы не поддерживать Польшу накануне плебисцита в Верхней Силезии (19.03.), но А. Иоффе был против, так как Я. Домбский угрожал, что потом в Польше могут победить враги мирного договора [41, л. 18].

Оценивая в целом роль Ю. Пилсудского в создании современного Польского государства, нельзя не отметить ее двузначность. Конечно, он был счастливым человеком, ибо сам себе мог с полным основанием сказать, что прожил жизнь не зря, сумел реализовать свою благородную юношескую мечту и лично поучаствовать в возрождении независимой Польши. Его не испугали трудности пути к мечте, хотя не раз казалось, что он ведет в никуда. Но любимое детище Пилсудского, его Польша, оказалась не совсем такой, а в чем-то и совсем не такой, как он мечтал. И в этом была немалая доля и его вины. Ведь Пилсудский был первым главой независимого государства и первым главнокомандующим его Вооруженных сил. Желая видеть свою Родину державой, он перессорил ее со всеми соседями, силой подчинил народы, которые хотели строить свои независимые, в том числе и от Польши, отчины. Пилсудский сам, можно сказать, своими руками, подвел под свою осуществленную мечту мину замедленного действия, предупредить взрыв которой было выше его сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Matwieew, G.* Пилсудский / Г. Матвеев. М. : Молодая гвардия, 2008. 474 с.
2. *Borejsza, J. W.* Mussolini był pierwszy / J. W. Borejsza. Warszawa : Czytelnik, 1979. 491 s.
3. *Garlicki, A.* Józef Piłsudski. 1867—1935 / A. Garlicki. Warszawa : Czytelnik, 1989. 719 s.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 476к (Военно-историческое бюро Генерального штаба Вооруженных сил Польши, г. Варшава). Оп. 1. Д. 79.
5. *Samuś, P.* Walery Ślawek. Droga do niepodległej Polski / P. Samuś. Płock, 2002.
6. *Piłsudski, J.* Pisma zbiorowe: uzupełnienia / J. Piłsudski. T. II. 1899—1914. Warszawa : Krajowa Agencja Wydawnicza : Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1993.
7. *Świątek, R.* Lodowa ściana. Sekrety polityki Józefa Piłsudskiego 1904—1918 / R. Świątek. Kraków : Platan, 1998. 950 s.
8. *Piłsudski, J.* Pisma zbiorowe: wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych: 10 t. / J. Piłsudski. Warszawa : Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937—1938. T. III. — 1937.
9. Galicyjska działalność wojskowa Piłsudskiego 1906—1914. Dokumenty. Warszawa, 1967. 700 s.
10. *Piłsudski, J.* Pisma zbiorowe: wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych: 10 t. / J. Piłsudski. Warszawa : Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937—1938. T. II. — 1937.
11. *Stachiewicz, J.* Polskie plany mobilizacyjne przed wojną światową / J. Stachiewicz // Niepodległość. 1933. Z. 18.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 476к. Оп. 1. Д. 120.
13. РГВА. Ф. 476к. Оп. 2. Д. 41.
14. РГВА. Ф. 476к. Оп. 2. Д. 39.
15. РГВА. Ф. 476к. Оп. 1. Д. 39.
16. *Matwiejew, G.* Kto krył się za kulisami spisku styczniowego 1919 r. oraz manifestacji grudniowych 1922 r.? / G. Matwiejew // Teki archiwalne. Seria nowa. 2000. T. 5 (27). S. 3—11.
17. *Żegota-Januszajtis, M.* Strategiczne granice Polski na wschodzie / M. Żegota-Januszajtis // Bellona. R. II. 1919. Z. III (marzec).
18. *Rozwadowski, A.* Generał Rozwadowski / A. Rozwadowski. Kraków : Skład Główny w Księgozarni Krakowskiej, 1929. 223 s.
19. *Piłsudski, J.* Rok 1920 / J. Piłsudski. Londyn : Polska Fundacja Kulturalna, 1987. 237 s.
20. Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 122 (Референтура по Польше). Оп. 1а. П. 1а. Д. 7.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159 (Чичерин Георгий Васильевич, 1872—1936). Оп. 2. Д. 8.
22. Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920): сборник документов / Т. Ф. Каряева (отв. сост.). М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1969. 882 с.
23. *Михутина, И. В.* Польско-советская война 1919—1920 гг. / И. В. Михутина. М., 1994.
24. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 5 т. М. : Академия наук СССР, 1963—1967 / И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. Т. 2. 1964.
25. АВП РФ. Ф. 04 (Секретариат Г.В. Чичерина). Оп. 32. П. 203. Д. 52406.

26. О niepodległą i granice: 5 t. Warszawa; Pułtusk : Wyższa Szkoła Humanistyczna, 1999—2007 / M. Jabłonowski, A. Koseski. T. I: Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego. 1919—1921. — 1999.
27. *Деникин, А. И.* Поход на Москву: («Очерки русской смуты») / А. И. Деникин. М. : Воен. изд-во, 1989. 287 с.
28. Польско-советская война 1919—1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I. М., 1994.
29. О niepodległą i granice: 5 t. Warszawa; Pułtusk : Wyższa Szkoła Humanistyczna, 1999—2007 / M. Jabłonowski, A. Koseski. T. 2: Raporty i komunikaty naczelnych władz wojskowych o sytuacji wewnętrznej Polski. 1919—1920. — 1999—2000.
30. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 10.
31. РГАСПИ. Ф. 325 (Троцкий Лев Давидович, 1879—1940). Оп. 2. Д. 52.
32. АВП РФ. Ф. 122. Оп. 3. П. 5. Д. 14а.
33. РГАСПИ. Ф. 17 (Сектор партийной информации Отдела руководящих партийных органов, 1926—1937). Оп. 3. Д. 74.

34. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 5 т. М. : Академия наук СССР, 1963—1967 / И. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]. Т. 3. 1965.
35. Документы внешней политики СССР: в 21 т. М. : Изд-во полит. лит., 1957—1977. Т. 3. 1959.
36. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 25.
37. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 37.
38. Польско-советская война 1919—1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. II. М., 1996.
39. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38.
40. РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 39.
41. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 204. Д. 23.
42. Sprawy polskie na konferencji pokojowej w Paryżu w 1919 r.: dokumenty i materiały: 3 t. Warszawa : PWN, 1965—1968 / R. Bierzanek, J. Kukulka. Т. 1. 1965.

SUMMARY

The article studies the career beginning of Y. Pilsudski. The subject of analyses is Pilsudski's point of view to Polish independency restitution. The circumstances of First World War as well as Pilsudski's «Eastern Policy», the declaration of Polish independency are in the focus of study. The special attention is paid to events of Soviet-Polish War and Warsaw policy in Byelorussian and Ukrainian territories.

Статья поступила в редакцию 18 октября 2009 г